

Александр КУБАСОВ

**HISTORIA MORBI ГЕРОЯ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «ЧЕРНЫЙ МОНАХ»:
ТЕКСТУАЛЬНЫЕ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ*****Historia Morbi of the Hero of A.P. Chekhov's Story "The Black Monk":
Textual and Intertextual Forms of its Presentation****Abstract**

The ambiguity of the presentation of the illness of the protagonist of Chekhov's short story *The Black Monk* and the author's attitude to it is discussed in this paper. The essential role of irony in the story is noted, due to the historical and literary context and the intertext that arises on its basis. The ironic modality is induced, on the one hand, due to the connection of the story with the early work of the writer, and on the other hand, with the works of other authors. The role of Griboyedov's comedy *Woe from Wit* as a catalyst for irony is also discussed. The ironic modality does not exclude the formulation of a serious problem of the inauthentic existence of humans but gives it an ambivalent character. The interweaving of the conditional beginning and the unconditional in the depiction of the hero and his illness allows Chekhov to pose the ontological problem of the inadequacy of the self-esteem of the individual.

Keywords: *A.P. Chekhov, "The Black Monk", hero's medical history, ironic modality, intertext, "Woe from Wit", Ivan Shcheglov*

В письме М. О. Меншикову 15 января 1894 года Чехов дал краткую характеристику «Черного монаха»: «Это рассказ медицинский, *historia morbi*. Трактуются в нем мания величия» (П V, 262).¹ Кажется, прямая характеристика рассказа, данная писателем в письме, повлечет за собой аналогично представленную авторскую позицию в рассказе. Однако непосредственно выражают себя в рассказе только герои, но отнюдь не автор. Важную роль для формулирования каких-либо концептуальных суждений о «Черном монахе» должен играть учет как медицинского, так и историко-литературного, а также биографического контекстов, с помощью которых происходит усложнение и релятивизация авторской позиции. Многообразные контексты соотносятся с интертекстом, обуславливая коммуникативную ситуацию «автор – читатель». Главное внимание автора и читателя сосредоточено на Коврине, главном герое рассказа, который предстает в определенной мере как загадка для читателя. Разгадать ее помогает, прежде всего, интертекст. С. А. Кибальник, анализируя об-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00481 <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, ИРЛИ РАН.

¹ Ссылки на полное собрание сочинений и писем А.П.Чехова даются в тексте в круглых скобках с указанием тома и страницы. Серия писем отмечена буквой П.

раз доктора Дорна в «Чайке», справедливо заметил, что поведение героя «становится понятно только в свете значительного интертекстуального подтекста» [КИБАЛЬНИК 2022: 65]. Нечто подобное можно сказать и в отношении Коврина.

Уже не одно десятилетие ученые пытаются подобрать «ключи» для адекватного понимания чеховского рассказа. В качестве смысловых параллелей к нему выступали «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Моцарт и Сальери» А. С. Пушкина, «Сильфида» В. Ф. Одоевского, «Красный цветок» В. М. Гаршина. Отмечено созвучие мотивов рассказа идеям Артура Шопенгауэра [РЕВ 1984: 217–219]. В одной из последних работ проводится сопоставительный анализ «Черного монаха» с «Обломовым» И. А. Гончарова [ЛАРИН 2004] и даже с лирикой Блока [БАРКОВСКАЯ 2016]. Этот перечень продолжает пополняться. В. Б. Катаев справедливо считает, что «самые, казалось бы, наглядные совпадения между текстом “Черного монаха” и внешними по отношению к нему источниками могут не приблизить ни на шаг к пониманию его подлинного смысла» [КАТАЕВ 1979: 194]. Очевидно, приближение к пониманию смысла рассказа требует поиска произведений, которые связаны с «Черным монахом» не столько типологически, сколько генетически, то есть запрограммированы самим автором в его тексте.

Первые фразы рассказа, занимая сильную текстовую позицию, определяют последующую его тональность: «Андрей Васильич Коврин, магистр, утомился и расстроил себе нервы. Он не лечился, но как-то вскользь, за бутылкой вина, поговорил с приятелем доктором, и тот посоветовал ему провести весну и лето в деревне» (VIII, 226). Коврин изначально предстает как клишированный вариант «жреца науки», в любви к которым признавался герой «Письма к ученому соседу», первого рассказа Чехова: «Я пламенно люблю астрономов, поэтов, метафизиков, приват-доцентов, химиков и других *жрецов науки*, к которым Вы себя причисляете чрез свои умные факты и отрасли наук, т. е. продукты и плоды» (I, 11). Доктор, советующий Коврину «провести весну и лето в деревне», столь же графаретен, как и «жрец науки». В другом раннем произведении Чехова сказано, что там, где доктор, «там ревматизм от трудов праведных, мигрень, воспаление мозга, уход за раненым на дуэли и неизбежный совет ехать на воды» (I, 17). Совет пожить в деревне ничем не оригинальнее врачебной рекомендации ехать на воды. Таким образом, легкий иронический обертон первых фраз «Черного монаха» может быть раскрыт в контексте системного единства творчества писателя, через автоинтертекст. Вдобавок к этому, читатели журнала «Артист», где впервые был напечатан рассказ, могли уловить в первой его фразе отсылку к модной проблеме «нервного века» и утомления [КУБАСОВ 2021].

Современники писателя, обладая иным актуальным апперцептивным фоном, обычно точнее чувствуют неписаную литературную норму и отступление от нее. Так, провокативное начало рассказа Чехова почувствовал и по-своему переписал Иван Щеглов, близкий приятель Чехова. Первые фразы его романа «Миллион терзаний» являются почти калькой начала «Черного монаха» за вычетом скрытой иронии: «Теребенев вышел от доктора в самом удрученном

настроении... Доктор (еще какой – столичная знаменитость!) нашел у Теребенева чрезвычайно опасную форму мозгового переутомления и самым решительным образом воспретил ему всякое писание... Легко сказать – писателю.... И вдруг не писать?!..» [ЩЕГЛОВ 1895: 121]. Для образа Теребенева прототипом Щеглову послужил, очевидно, отчасти не только Коврин, но и Чехов как автор рассказа. Щеглов заподозрил, что писатель сам заработал «мозговое переутомление» и во многом отразил себя в Коврине. Автор романа, привыкший прямо выражать свою позицию в произведениях, считает, что и у Чехова такой же механизм творческого преобразования реальности в художественный текст. Оpozнай Щеглов в рассказе иронию, связанную с интертекстом, он, быть может, отказался бы от полемики с коллегой в своем романе и во всяком случае не связывал бы прямо главного героя чеховского рассказа с его автором.

Обратимся к первой реплике Коврина, с которой он предстает перед читателем. Герой говорит о дыме от костров, которые должны спасти коммерческий сад Песоцких от заморозков и грозящих убытков: «Я еще в детстве чихал здесь от дыма» (VIII, 228). Перебирая в памяти произведения, где упомянут дым, одним из первых вспоминается «Горе от ума» с крылатым выражением – «И дым отечества нам сладок и приятен». Подсказкой для ассоциативного вызова фразы является указание на то, что Коврин приезжает в Борисовку «к своему бывшему опекуну и воспитателю» (VIII, 226). Но ведь аналогичные отношения связывают и Фамусова с Чацким! В комедии Грибоедова сказано, что «Андрея Ильича покойного сынок» был взят на попечение Павлом Афанасьевичем, воспитывался в его доме вместе с Софьей («Да, с Чацким, правда, мы воспитаны, росли»). Сходная ситуация была, видимо, и с Ковриным. Чацкий, по словам Фамусова, «три года не писал двух слов и *грянул вдруг, как с облаков*». Коврин для читателя рассказа «грянул» из дыма от костров «из навоза, соломы и всяких отбросов» (VIII, 228). В свете аллюзий на «Горе от ума» двусмысленным воспринимается и ответ Тани на вопрос Коврина о том, для чего нужен дым. «*Дым заменяет облака, когда их нет...*» – просвещает она магистра. В кругозоре героини эта фраза не содержит никакого подвоха, она серьезна и передает точный естественнонаучный смысл. Слова Тани приобретают дополнительное профанное звучание, если их связать с репликой Фамусова о грянувшем, «как с облаков», Чацком. Текст окрашивается внутренней иронией вненаходимого автора, который проецирует своих героев на содержание классической русской комедии. Коврин, Песоцкий и Таня с помощью интертекстуальных переключек предстают еще и как творчески преобразованные вариации персонажей комедии Грибоедова. Коврин, как и Чацкий, тоже испытывает «горе от ума», но это совсем другой «ум» и другое «горе».

Важен и другой содержательный момент, связанный с расширением не только системы героев, но и художественного пространства и времени. В рамках непосредственно представленного читателю текста автор программирует дополнительные интертекст и paratext, которые строятся на принципе ассоциативной выводимости. Изображенное пространство, в котором происходят со-

бытия рассказа, расширяется за счет его связи с пространством интертекстуальных и паратекстуальных своих и чужих произведений. То же самое можно сказать и про время. В итоге сюжет чеховского рассказа выходит за рамки реалистического изображения частной истории одного героя и приобретает черты универсального художественного исследования экзистенциальной проблемы бытия личности в обществе, ее ординарности и неординарности, болезни мнимой и смертельно опасной. В современной литературе произведения Чехова в свою очередь сами перейдут на орбиту интертекстов или паратекстов, как, например, в случае с пьесами Л. С. Петрушевской [РЕГЕЦИ 2022].

В конце XIX века проблемы ума, переутомления и связанного с ними сумасшествия активно обсуждались не только в художественной литературе, но и в научной. В 1885 году четвертым изданием вышла книга Чезаре Ломброзо «Гениальность и помешательство. Параллель между великими людьми и помешанными» [ЛОМБРОЗО 1885], публикуется фундаментальный труд Уильяма Карпентера «Основания физиологии ума с их применениями к воспитанию и образованию ума и изучению его болезненных состояний» [КАРПЕНТЕР 1887]. Журнал «Русская мысль» помещает научно-популярную работу В. Лесевича «Эскурсии в область психиатрии», где в частности рассматривается «вопрос о соотношении высоких дарований и психопатических явлений» [ЛЕСЕВИЧ 1887: 59]. Описанный в «Черном монахе» маниакальный синдром Коврина, спроецированный на эти научные и научно-популярные произведения, обретает не только научную подоплеку, но и дополнительный профанный смысл. Еще больше профанное начало в рассказе усиливается, если соотнести манию величия Коврина с теми случаями, что описаны в юмористическом рассказе Чехова «Случаи *mania grandiosa*» (1883). Уже упомянутый Иван Щеглов, полемизируя с Чеховым, недаром назвал свой роман «Миллион терзаний», повторяя заглавие статьи Гончарова и окликавая тем самым комедию Грибоедова.

Сюжетообразующий мотив ума и сумасшествия, в своих литературных источках восходящий к «Горю от ума», получает новую трактовку в «Черном монахе». За год до его публикации, 25 ноября 1892 года, Чехов в письме Суворину замечает: «Ну-с, теперь об уме. Григорович думает, что ум может пересилить талант. Байрон был умен, как сто чертей, однако же талант его уцелел. Если мне скажут, что Икс понес чепуху оттого, что ум у него пересилил талант, или наоборот, то я скажу: это значит, что у Икса не было ни ума, ни таланта» (П V, 134). Упомянутых в сравнении чертей можно представить как искусителей писателя, испытывающих его ум и талант. В рассказе эта роль отведена черному монаху и доказывается художественными средствами сходная мысль о мирном сосуществовании ума и таланта, их равновесии и взаимной обусловленности.

Ум Коврина больше декларируется, чем демонстрируется. Говоря словами того же Василия Семи-Булатова из первого рассказа Чехова, «продукты и плоды» научной деятельности магистра читателю неизвестны. При этом все вокруг дружно считают Андрея Васильича умным человеком. Черный монах прямо льстит ему: «...ты умен» (VIII, 248). Это оценка является одновременно

и скрытой самооценкой героя. Песочкий тоже восхищается умом воспитанника: «А ум? Он всегда поражал нас своим умом. Да и то сказать, *недаром* он магистр! *Недаром!*» (VIII, 246). Утверждение ума Коврина нивелируется формой псевдообъективной мотивировки, первый образец которой встречается опять-таки в «Письме к ученому соседу»: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда» (I, 14). Ироническим потенциалом заряжено и слово «недаром». В письме А. С. Суворину серьезные размышления о ближайших и отдаленных целях пишущих Чехов заканчивает игровой фразой: «Не я виноват в своей болезни, и не мне лечить себя, ибо болезнь сия, надо полагать, имеет свои скрытые от нас хорошие цели и послана *недаром... Недаром, недаром она с гусаром!* – и далее продолжает. – Ну-с, теперь об уме» (II V, 134).

О таких словах, как *магистр, ум, утомился, недаром*, можно сказать, что они «пахнут контекстами» [БАХТИН 1986: 302], и эти скрытые контексты, как правило, вносят в рассказ более или менее ощутимую иронию. Она играет роль корректива к серьезным аспектам и обуславливает пространственность и амбивалентность проблематики. С этим же связана неоднозначность оценки главного героя: «...ни одна из противоположных оценок Ковриным своей личности (“я – гений, избранник божий” и “я – посредственность и должен быть доволен этим”) не имеет полноценного объективного подтверждения в тексте» [СУХИХ 1987: 106]. В пространстве между этими полюсами располагается динамичная, релятивная оценка героя, предполагающая творческую активность читателя.

Очевидно, что контекстное окружение рассказа не ограничивается только комедией Грибоедова. В числе автоинтертекстуальных произведений, важных для понимания концептуальной основы «Черного монаха», назовем рецензию-пародию «“Калиостро, великий чародей, в Вене” в “Новом театре” М. и А. Л.» (1883). Чехов подписал ее псевдонимом «М. Ковров», который лишь один раз употреблен в его литературной практике (XVI, 27). Фамилия *Коврин* перекликается с псевдонимом *Ковров* и может быть истолкована как ее вариация. Если это так, то логично ожидать какой-то внутренней связи «Черного монаха» с рецензией на постановку оперетты Иоганна Штрауса в театре Михаила Лентовского. Связь обусловлена тем, что пародийная рецензия сопровождалась рисунками брата Чехова (XVI, 407). Художник Николай Чехов умер в 1889 году от чахотки. *Historia morbi* Коврина заканчивается по той же причине: «У него шла горлом кровь» (VIII, 253). Пройдет десять лет после публикации «Черного монаха», и жизнь самого Чехова, как и брата, а также героя рассказа, оборвется из-за чахотки.

Связь псевдонима *Ковров* с фамилией героя *Коврин* позволяет задаться риторическим вопросом: не является ли выбор фамилии магистра в «Черном монахе» еще и знаком памяти писателя о брате-художнике? В письме Суворину Чехов признавался, что свой рассказ он «писал без всяких унылых мыслей, по холодном размышлении» (II V, 265). Однако далее Чехов не объясняет, над чем именно он холодно размышлял. Не над тем ли, что и его, серьезно

больного туберкулезом, ждет та же судьба, что и брата Николая, а также созданного творческой фантазией магистра Коврина?

Генеалогия псевдонима *Ковров*, скорее всего, связана с каламбурной скороговоркой. Ее Чехов использовал в «Ионыче» (1898): «Я иду *по коври*, ты идешь, пока врешь, – говорил Иван Петрович, усаживая дочь в коляску, – он идет, пока врет...» (X, 33). Каламбур, основанный на омофонах (*по ковру – пока вру*) и превратившийся в устах Ивана Петровича в клише, – один из примеров рекреационной языковой игры гимназистов, которая вполне возможно была в ходу у братьев Чеховых. Созвучие фамилий Коврин / Ковров актуализирует скрытую ироническую тональность «Черного монаха», не отменяя при этом явно драматического финала рассказа. В итоге создается интонационная амбивалентность произведения.

Интертекстуальные переключки «Черного монаха» с другими произведениями позволяют Чехову с помощью художественных средств сформулировать важную онтологическую проблему – неадекватности самооценки личности, влекущую за собой искаженное мировидение. В итоге создается рассказ, в котором за ирреальной и реальной болезнями героя скрыта экзистенциальная проблема неподлинного существования человека. Вольный или невольный самообман человека рано или поздно развевается, и открывается неизбежность драматического завершения жизни.

Библиография

- БАРКОВСКАЯ, Н.В. [BARKOVSKAYA, N.V.] 2016: «Черный монах» А.П.Чехова и А.Блока (к проблеме лирического сюжета) // Уральский филологический вестник. Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. ["The Black Monk" by A.P. Chekhov and A. Blok (to the problem of the lyrical plot) // Ural Philological Bulletin. Russian literature of the XX–XXI centuries: directions and currents] 3: 28–37.
- БАХТИН, М.М. [BAKHTIN, M.M.] 1986: Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство. [Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Art].
- КАРПЕНТЕР, У.Б. [KARPENTER, U.B.] 1887: Основания физиологии ума с их применениями к воспитанию и образованию ума и изучению его болезненных состояний. Т. 2. Санкт-Петербург: Тип. В. В. Комарова. [Foundations of the physiology of the mind with their applications to the education and education of the mind and the study of its morbid states. V. 2. St. Petersburg: Type. V. V. Komarova].
- КАТАЕВ, В.Б. 1979: Проза Чехова: Проблемы интерпретации. Москва: Издание Московского университета [Chekhov's Prose: Problems of Interpretation. Moscow: Moscow University Press].
- КИВАЛЬНИК, С.А. [KIVAL'NIK, S.A.] 2022: Доктор Дорн против писателя Мопассана (об интертекстуальном подтексте чеховской «Чайки») // Филологические науки [Doctor Dorn against the writer against the writer Maupassant (on the intertextual subtext of Chekhov's The Seagull) // Philological Sciences] 1: 62–72. DOI 10.20339/PhS.1-22.062.

- КУБАСОВ, А.В. [KUBASOV, A.V.] 2021: Идея «вырождения» в поэтике и криптопоэтике А.П.Чехова // Проблемы исторической поэтики [The idea of "degeneration" in the poetics and cryptopoetics of A.P. Chekhov // Problems of historical poetics] 3 (19): 373–388. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9682.
- ЛАРИН, С.А. [LARIN, S.A.] 2004: Historia morbid: «Обломов» И.А.Гончарова – «Черный монах» А.П.Чехова // Вестник ВГУ: Серия Филология. Журналистика [Historia morbid: "Oblomov" by I.A. Goncharov – "The Black Monk" by A.P. Chekhov // Bulletin of VSU: Series Philology. Journalism] 2: 36–39.
- ЛЕСЕВИЧ, В. [LESEVICH, V.] 1887: Экскурсии в область психиатрии. 2. О психическом вырождении // Русская мысль [Excursions in the field of psychiatry. 2. About mental degeneration // Russian thought] 3: 50–82.
- ЛОМБРОЗО, Ч. [LOMBROZO, CH.] 1885: Гениальность и помешательство. Параллель между великими людьми и помешанными / пер. и предисл. К. Тетюшиновой. Санкт-Петербург: Изд-ие Ф. Павленкова. [Genius and insanity. Parallel between great people and lunatics / per. and foreword. K. Tetyushinova. St. Petersburg: F. Pavlenkov Publishing House.]
- РЕВ, М. [REV, M.] 1984: Специфика новеллистического искусства А.П.Чехова («Черный монах») // Проблемы поэтики русского романтизма XIX века. Сборник статей ученых Ленинградского и Будапештского университетов. Ленинград: Издательство ЛГУ. [The specificity of the novelistic art of A.P. Chekhov ("The Black Monk") // Problems of the poetics of Russian romanticism of the 19th century. Collection of articles by scientists from Leningrad and Budapest universities. Leningrad: Publishing House of Leningrad State University] 213–227.
- РЕГЕЦИ, И. [REGÉCZI, I.] 2022: Трансформация пространственных метафор драмы А.П.Чехова «Три сестры» в комедии Л.С.Петрушевской «Три девушки в голубом» [Transformation of spatial metaphors of A.P. Chekhov's drama "Three Sisters" in L.S. Petrushevskaya's comedy "Three Girls in Blue"] // Libri Magistri. 1: 182–200. DOI 10.52172/2587-6945_2022_19_1_182.
- СУХИХ, И.Н. [СУХИХ, I.N.] 1987: Проблемы поэтики Чехова. Ленинград: Издательство ЛГУ [Problems of Chekhov's Poetics. Leningrad: Publishing House of Leningrad State University].
- ЧЕХОВ, А.П. [ЧЕХОВ, A.P.] 1974–1983: Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Письма: В 12 т. Москва: Наука [Complete works and letters: In 30 volumes. Works: In 18 volumes. Letters: In 12 volumes. Moscow: Nauka].
- ЩЕГЛОВ, И. [ЩЕГЛОВ, I.] 1895: Миллион терзаний // Русское обозрение. [A million torments // Russian Review] 1: 121–171.

Александр КУБАСОВ
Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия
kubas2002@mail.ru
ORCID 0000-0001-9074-1133

